

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЧТО ТАКОЕ ФОЛЬКЛОР?» (НАВСТРЕЧУ ПЕРВОМУ ВСЕРОССИЙСКОМУ КОНГРЕССУ ФОЛЬКЛОРИСТОВ)

Кому-то, возможно, покажется странным выбор темы для круглого стола, который альманах «Традиционная культура» проводит на своих страницах. Ведь именно с этого вопроса преподаватели обычно начинают чтение лекций по фольклору для первокурсников. Если для студентов это набор азбучных истин, то зачем опытным исследователям, профессионалам высокого класса тратить время на их обсуждение?

И всё же речь идет не о простых дефинициях. За вынесенной в заглавие круглого стола формулировкой стоит давний спор о предмете и границах фольклористики — науки, которая в последние десятилетия находится в состоянии интенсивного обновления, поиска новых путей и методов. Может быть, поэтому в современном научном дискурсе отсутствует единое общепотребительное значение термина *фольклор*, на что указывал еще В.Е. Гусев. Кстати, именно он, представляя российскую науку в терминологических проектах 1990-х гг. «Народные знания. Фольклор. Народное искусство» (1991) из серии «Свод этнографических понятий и терминов» и «Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии» (1993), обобщил известные в отечественной и зарубежной фольклористике точки зрения на возможные истолкования этого понятия. Очень многое в этом плане сделал и Б.Н. Путилов, который, не будучи ограничен жесткими рамками словаря, в книге «Фольклор и народная культура» (1994) не только подробно проанализировал существующие в истории науки определения, но и предложил собственный взгляд, в немалой степени основанный на личном полевом опыте.

Пять лет назад мы открыли первый номер нашего альманаха цитатой. Это было определение, принятое на совещании Комитета правительственных экспертов по сохранению фольклора, работавшего в рамках ЮНЕСКО, 1 марта 1985 г. в Париже: «*Фольклор* (в более широком смысле *часть традиционной народной культуры*) — это *коллективное и основанное на традициях творчество* групп или индивидуумов, определяемое надеждами и чаяниями общества, *являющееся адекватным выражением их культурной и социальной самобытности*; фольклорные образцы и ценности передаются *устно, путем имитации* и другими способами. Его формы включают язык, устную литературу, музыку, танцы, игры, мифологию, обряды, обычаи, ремесла, архитектуру и другие виды художественного творчества». Тогда оно привлекло нас своей широтой, что было принципиально важно для издания, в название которого было вынесено другое, не менее сложное понятие *традиционная культура*. Однако всё ли устраивает нас в этом определении сегодня? Ведь с момента его принятия прошло уже двадцать лет.

Поразмышлять о том, *что такое фольклор*, мы пригласили представителей самых разных научных школ и направлений. Многие из них сейчас готовятся к Первому Всероссийскому конгрессу фольклористов, который будет проходить в начале 2006 г. Наш круглый стол также можно рассматривать как вклад в эту подготовительную работу. Мы искренне надеемся, что к начатой дискуссии захотят присоединиться и наши читатели.

В.А. БАХТИНА:

Тот факт, что термин *фольклор* понимается и объясняется, исходя из разного уровня его расширения, связан не только с традицией, сложившейся в той или иной национальной науке, но и с потенциальными возможностями самого явления — синкретичного, многоаспектного, комплексного. Можно указать на три основных значения термина в его научной интерпретации, которые легко располагаются в иерархической последовательности и входят один в другой в виде матрицы: *народознание — народная культурология — фольклористика*.

Термин *народознание*, как самый общий, подразумевает изучение народной жизни во всех аспектах ее материальной, социокультурной деятельности. В российской науке последних десятилетий заметна тенденция к синонимическому использованию терминов *фольклор* и *народная культура*. Фольклор принадлежит народной культуре как понятию родовому, но не охватывает полностью ее содержание. В своем понимании фольклора я присоединяюсь к тем исследователям, которые видят в нем словесные, словесно-музыкальные, обрядовые, хореографические, игровые, драматические виды народного творчества. В понятие *народная культура*, помимо фольклора, включается ряд других видов человеческой деятельности: народное искусство, материальная культура, — а также человеческих отношений: социология, психология, аксиология и пр.

Фольклор по сути своей — открытая система, исторически подвижная, способная к самообновлению, приспособлению к новым условиям, к новообразованиям. Поэтому не вижу никакой трагедии в том, что фольклор разными исследователями может толковаться по-разному. Сложное явление не может и не должно быть рассматриваемо с позиций монизма. Любые методологические подходы, любые поиски, в том числе гипотетические, экспериментальные, могут быть полезны, если они добавляют хотя бы малую толику положительных знаний о предмете. Однако расширение не может быть безграничным. Возьмем, к примеру, область народной медицины. Фольклорно-мистические знания, словесные тексты и сопровождающие их действия, относящиеся к сфере фольклора, не покрывают всех аспектов этой сложной, выработанной веками практики, основанной, в частности, на природных, космических наблюдениях, на интуитивных психологических знаниях,

на особых способностях отдельных личностей и на многом другом.

Фольклор как явление одновременно обрядовое, эстетическое, мировоззренческое содержит не только систему жанров, но и мифологическую основу (от древнейших форм до позднейших религиозных представлений) в той мере, в какой она отразилась в фольклоре, — прежде всего в обрядовых комплексах, сочетающих в себе различные бытовые, мировоззренческие, этические, эстетические и пр. представления и музыкально-поэтические тексты. Систематика жанров и их конкретное изучение, поэтика сюжетов и жанров долгие годы были преимущественными направлениями в изучении фольклора (особенно эпических и лирических текстов), не утратившими своего значения и в настоящее время. Именно они и составляют суть филологического подхода. К единству филологического и этнографического направлений, столь естественному для фольклора как явления и для дореволюционной фольклористики как науки об этом явлении, исследовательская мысль возвращается ныне.

Основополагающим, сущностным понятием *народной культуры* в целом (и отдельных ее составляющих, в том числе *фольклора*) всеми признается и декларируется понятие *традиционности*, во-первых, и *процессуальности*, во-вторых, — традиция как живой, подвижный организм, находящийся в процессе эволюции, трансформации, приспособления, изживания и одновременно нового осмысления. Традиционность есть понятие не только смыслодержущее, но и структурное. Традиционность может быть выявлена только на уровне нескольких текстов, или принадлежащих одному жанру, или являющихся вариантами повествовательного сюжета, или множеством текстов разных сюжетов и жанров (кросс-жанровый и кроссюжетный анализ). Только оперируя значительным числом исходного материала, можно постичь отдельные закономерности фольклорной традиции.

Народная культура, в том числе и фольклор, существует в виде реального объекта (или предмета) — текста. Понятие *текст* подразумевает определенную систему знаков, имеющих последовательное строение и внутренне-внешнюю завершенность. Текст может быть вербальным, музыкальным, иконографическим, хореографическим. Он может состоять не только из связанного большого фрагмента, но и из отдельного слова, фразы, даже звука (например, весенние гуканья).

Нам, фольклористам, не следует заблуждаться относительно точности и адекватности того предмета, которым мы располагаем и на основании которого строим свои выводы. Мы всегда работаем с относительно аутентичными текстами. Имею в виду не текучесть отдельного текста, который, существуя сам по себе как реальность, одновременно «сидит» в одном гнезде со многими другими его региональными, узколокальными и индивидуальными вариантами и, кроме того, может обнаруживать родство с образами, понятиями, представлениями других жанровых образований. Речь о другом. В настоящее время занимаясь извлечением из архива Б.М. и Ю.М. Соколовых неопубликованных материалов их знаменитой экспедиции по следам П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга (1926 — 1928 гг.), я столкнулась со множеством случаев неадекватной фиксации одного и того же текста, или его фрагментов, или отдельных стихов разными участниками экспедиции. Иногда дело доходит до трех или даже шести вариантов! Ответить на вопрос, кто наиболее точен, невозможно. В те же годы А.М. Астаховой практиковался иной метод записи: продиктованный исполнителем текст исправлялся в процессе последующего пения. Несовпадение текстов и в этом случае было разительным. Методы научного описания — принадлежность не научного анализа, а собирательства. Техническая оснащенность — только одно из условий успешности полевой фольклористики. От современного собирателя фольклора требуется не только точность записи, но и пристрастное любопытство, настойчивость, одержимость неопита, желающего всё узнать и до всего докопаться.

Именно благодаря отдельным успешным примерам многолетнего накопления фактов в настоящее время стал возможен прорыв научного знания, в том числе и в первую очередь на стыке наук; появились опыты комплексного освещения обрядового фольклора, резко возрос интерес к сакральному мифологическому знанию и соответствующим фольклорным текстам. Происходит изучение фольклора с разных позиций, и это единственный путь к постижению его сложной сути.

С.Ю. НЕКЛЮДОВ:

Начну с того, что за сорок лет научной деятельности мне неоднократно случалось менять область своих занятий, причем менять довольно существенно. Перво-

начально это были повествовательные жанры русского фольклора — былина и сказка, затем, на протяжении по крайней мере четверти века, эпос и мифология монгольских народов, наконец, в последнее десятилетие — песенный фольклор современного российского города. К этому надо добавить, что постоянной темой для меня всегда оставалось преобразование текстовых элементов и структур при их циркуляции между устной и письменной традициями — будь то фольклорные компоненты древнемонгольской хроники «Сокровенное сказание», сюжеты центральноазиатского книжноэпического сказания о Гесере, устойчивые мотивы в книжной словесности (русской, европейской, восточной), так или иначе связанные с фольклорно-мифологическими моделями, либо, наконец, «литературные» прототексты городских песен. У меня никогда не возникало сомнений в том, что все эти штудии происходят в рамках фольклористики, поскольку определяющим для них всегда оставался скорее *ракурс рассмотрения* материала, чем его «онтологические» свойства, хотя одно, несомненно, неразрывно связано с другим.

Вообще, тексты культуры можно рассматривать, по меньшей мере, в четырех аспектах: «субстанциальном» (содержательные характеристики), «структурном» (морфологическая организация), «технологическом» (способ коммуникации — их хранение, передача и воспроизводство), «прагматическом» (специфика их функционирования). Говоря о «культурных текстах», я имею в виду тексты как вербальные, так и акциональные, изобразительные, «вещные» и др., хотя именно *слово*, вероятно, надо считать организующей силой культурной традиции. Кроме того, в роли «культурных текстов» оказываются не только продукты человеческой деятельности, но также семиотически «означенные» нерукотворные объекты (скажем, небесные светила, детали ландшафта, крики и расцветка животных и т.д.). Всё это также может «прочитываться» как определенные фольклорно-мифологические тексты со своими культурными смыслами.

С точки зрения содержательной (отчасти и прагматической) фольклорные тексты не столь специфичны, точнее, специфичны лишь их группы, объединяемые (по смежности в традиции или по морфологическому типу) на основании определенных дифференциальных признаков, сочетания которых у разных групп достаточно сильно различаются. Подлинно специфическим

является аспект «технологический», радикально отделяющий тексты устные от письменных, а коммуникацию «естественную», контактную, от «технической», дистантной. Что же касается структурной организации текстов, то она в огромной степени зависит от их устной природы, о чем писалось достаточно — от А.Н. Веселовского до А. Лорда.

Итак, *фольклор* — это совокупность разных культурных текстов, заключающих в себе довольно большой (впрочем, не безграничный) диапазон «сообщений» и тяготеющих к изложению относительно устойчивого набора смыслов относительно устойчивыми (стереотипизированными) средствами. Это тексты поющие и рассказываемые, маленькие и большие, связанные с обрядом и бытовыми обстоятельствами или относительно независимые от них. Объединяет их то, что передаются они непосредственно-контактным способом (преимущественно устным путем), являясь, как правило, скорее воспроизводимыми, чем производимыми вновь и, следовательно, никому специально не принадлежащими — ни определенному автору, ни отдельно взятому исполнителю (хотя самоощущение носителей традиции на этот счет может быть и иным). Наконец, общее и неперемное качество фольклора как возникающей при каждом отдельном исполнении относительно устойчивой комбинации элементов традиции — его пластичность при сохранении относительно стабильности (прежде всего, на содержательном уровне, хотя и не только); соответственно, тексты воспроизводятся в варьируемых формах, что является не препятствием, а условием сохранения и адаптации (сообразно меняющимся обстоятельствам) устойчивых культурных смыслов. Поэтому меня, в частности, не вполне устраивает использование применительно к фольклору терминов «копирование» и «тиражирование».

Собственно говоря, к этому сводится мое «общее понимание» фольклора (подробнее о нем я уже писал¹). За его пределами начинаются частности, из которых, в сущности, и состоит фольклористическое исследование.

Расширение границ понятия *фольклор* связано, на мой взгляд, с разными обстоятельствами. Это, во-первых, вполне реальный «передел» предметного поля между фольклористикой и этнографией (не «перераспределение территорий», а взаимное

обогащение сфер компетенции). Данный процесс начался еще в 1970-е гг., если не раньше, в трудах ленинградских фольклористов — прежде всего Б.Н. Путилова и К.В. Чистова, что вызывало возмущение блюстителей «филологической чистоты» фольклористики. В последние полтора-два десятилетия подобное расширение весьма интенсифицировалось под влиянием концепций западной науки, ставших теперь более доступными.

Во-вторых, со снятием идеологических и этических табу с постфольклора количество объектов фольклористических исследований чрезвычайно расширилось и, полагаю, будет расширяться и дальше. Я отношусь к этому с некоторым опасением. Понятие *фольклор* — не безразмерное и может полностью обесмыслиться, если статус фольклорного текста будет приписываться и «низовой» письменности, и чуть ли не всем «речевым актам» (в том числе спонтанным и разовым), и продуктам массовой культуры, и еще много чему. Для меня понятие *фольклор* — при самых расширительных толкованиях — ограничено вышперечисленными признаками.

— *Сергей Юрьевич, какие методы научного описания, по вашему мнению, наиболее адекватны современному состоянию фольклора?*

Все методы, предполагающие работу с реальным материалом (а не только с умозрительными концепциями), включающие надежную верификацию своих операций и выводов.

С.М. ТОЛСТАЯ:

Вопрос о предмете любой научной дисциплины, ее границах и соотношении с родственными науками закономерно возникает на разных этапах ее развития и самоосмысления. Неоднократно в разное время обсуждался и вопрос о предмете фольклористики, т.е. о фольклоре (последний серьезный опыт такого рассмотрения принадлежит Б.Н. Путилову). Чтобы ответить на него, надо поставить фольклор в ряд с другими идиомами, которые заведомо не являются фольклором, но имеют с ним какие-то «пересечения» и общие черты (парадигматический подход), а также вычленив фольклор из его собственного более широкого контекста (синтагматический подход). К таким «партнерам» фольклора относятся прежде всего язык, ритуал, мифология в широком смысле слова — как область верований, представлений о мире и человеке — и музыка. Эти этнокультур-

¹ Неклюдов С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. 2002. № 3. С. 3–7.

ные идиомы имеют каждая свой собственный способ и субстанцию выражения (слово, действие, ментальные единицы (мысль), музыкальный звук), свои специфические формы организации (системы) и, соответственно, предполагают свои особые методы изучения в рамках отдельных научных дисциплин (лингвистика, этнография, мифология, музыковедение).

Отношение к ним фольклора неодинаково. Язык — это «материал» фольклора, его субстанция; то же можно сказать о музыке, хотя они неравнозначны, поскольку язык — обязательный компонент всех фольклорных «произведений», а музыка — не всех. Ритуал же составляет «контекст» фольклора, область его функционирования. Хотя степень ритуализованности исполнения фольклорных произведений различна для разных жанров (одно дело сказка или загадка, другое — обрядовая песня или приговор), те или иные условия (время, место, обстоятельства, тип исполнителей, цели, способ передачи традиции и т.п.) и ограничения всегда соблюдаются, и в этом смысле весь фольклор, безусловно, ритуален. Особое отношение связывает фольклор с тем, что здесь условно названо мифологией, а по существу представляет собой социально закрепленные представления о мире, ментальный образ мира вместе с принятой данным социумом системой ценностей и категорий, с помощью которых упорядочиваются знания о мире и производится оценка. Это тот содержательный базис, который стоит за всеми прочими формами культуры, он закреплен в языке, он составляет смысловую основу фольклорных текстов, он мотивирует обрядовые действия и определяет их семантику. Именно это семантическое единство всех форм и видов культурной традиции делает неизбежным их взаимодействие как в рамках самой традиции, так и в соответствующих областях гуманитарного знания.

Но мы знаем, что все обсуждения вопроса о предмете и границах фольклора сводились к двум оппозициям: фольклор — литература и фольклор — этнография (этнография в этом случае понималась как «этнографическая действительность», т.е. как широкая область обрядности, обычаев и верований). Сторонники узкого понимания фольклора как словесного творчества сближали фольклор с литературой (признавая, разумеется, всю специфику фольклора по сравнению с литературой) и фольклористику с литературоведением (исходя при этом из примата эстетических категорий).

Тем самым содержание фольклора ограничивалось фольклорными текстами, а задача фольклористики — изучением текстов как продуктов словесного творчества в отвлечении от «прагматики», т.е. всей коммуникативной цепочки: отправитель (автор, исполнитель) — «сообщение» (текст) — получатель (адресат), от функций и условий самого процесса фольклорной коммуникации.

Недостаточность такого узкого, исключительно текстологического подхода в фольклористике вытекает не только из синкретизма фольклора. Она обусловлена характерным для всех гуманитарных наук последних десятилетий смещением интереса с мертвого статичного предмета (в нашем случае текста, произведения) к живому динамическому процессу его функционирования (к прагматике в широком смысле слова), что в свою очередь связано с общим антропологическим и антропоцентрическим направлением современной гуманитарной науки. Такой подход, как известно, не чужд и самому литературоведению, чей предмет и «материал» не имеет, в отличие от фольклора, синкретической природы. Достаточно вспомнить труды М.М. Бахтина и его последователей, внедривших в концептуальную парадигму литературоведения прагматические категории (текст как высказывание и т.д.).

То же самое, только в еще большей степени, относится к лингвистике, где на протяжении нескольких десятилетий также наблюдается перенесение акцента с языка как такового, языка как «продукта», как системы единиц и категорий, с вопроса о том, как устроен язык, на то, как люди пользуются языком, как язык отражает мир и как он воздействует на мир и на сознание и поведение людей. В рамках лингвистики сформировались специальные направления и дисциплины (лингвистическая прагматика, когнитивная лингвистика, коммуникативная лингвистика, лингвистическая культурология и др.), оказавшие заметное влияние на другие области гуманитарной науки.

Совершенно естественно, что подобные процессы происходят и в фольклористике, где дополнительным фактором, определяющим потребность выйти за пределы текста, является синкретизм самого объекта. Появление исследований, выполненных с позиций коммуникативного (К.В. Чистов), прагматического (С.Б. Адоньева), этнолингвистического (школа Н.И. Толстого) подходов следует признать вполне закономерным. Это не просто дань научной моде. Учет контекста (этнографического, языкового,

мифологического) фольклорного текста оказывается необходимым условием адекватного и глубокого понимания и интерпретации самого текста, что очень ярко показала, например, книга Л.Н. Виноградовой о колядках и колядовании¹. Расширение рамок фольклора и, соответственно, фольклористики, неизбежное размывание границ, отделяющих ее от родственных гуманитарных областей, не следует трактовать как экспансию других наук. Это внутренняя потребность самой науки.

В свою очередь материал фольклора активно осваивают родственные дисциплины: лингвисты широко привлекают лексику и фразеологию фольклорных текстов в семантических, лексикологических и этимологических исследованиях, а специфику языка фольклора изучает особая дисциплина — лингвистическая фольклористика (А.Т. Хроленко и его школа; С.Е. Никитина); этнография в анализе и интерпретации обрядов и верований не обходится без фольклорных текстов; этнолингвистика использует фольклорные данные для реконструкции культурной символики и стереотипов древности.

Ставший научным знаменем нашего времени комплексный подход к явлениям культуры ни в коем случае не отменяет «узкого» подхода, сосредоточенного внимания каждой научной дисциплины к собственному предмету — к языковым явлениям и процессам в лингвистике; к изучению структуры, функции, истории обрядов и верований в этнографии; к текстологии и истории фольклорных произведений, к типологии форм и жанров и т.д. в фольклористике.

Т.Б. ДИАНОВА:

С благодарностью откликаясь на предложение редакции альманаха «Традиционная культура» принять участие в круглом столе, не могу не отметить, что обсуждаемая тема остается как вечно актуальной, так и крайне сложной, поскольку предполагает «взгляд извне на самого себя». В своем понимании *фольклора* я опираюсь на сложившуюся в отечественной фольклористике традицию, идущую от выдающихся исследователей прошлого, таких как Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, А.А. Потебня, Б.М. и Ю.М. Соколовы, В.Я. Пропп, П.Г. Богатырев и многих других, широко и объемно видевших предмет своих изыска-

ний. Все они, как и наиболее авторитетные ученые-современники, изучали фольклор неотрывно от языка, быта, истории и культуры народа, в зависимости от конкретных задач, стоящих перед ними, обращаясь к тому естественному контексту, в котором живут фольклорные произведения, и создавая тем самым методологическую базу фольклористики как самостоятельной дисциплины.

В длительном становлении наша наука прошла ряд закономерных этапов, во многом обусловленных как «внутренними», так и «внешними» причинами. Общеизвестно, что в послереволюционной России фольклористика начала формироваться как преимущественно филологическая дисциплина, обозначив в качестве основного предмета своего изучения устную словесность. Фольклор исследовался в рамках искусствоведческого (более конкретно, литературоведческого) подхода, что повлекло за собой неизбежное сужение поля исследований. Теоретическое обоснование методов изучения устной словесности в рамках литературоведения Ю.М. Соколовым было, главным образом, мотивировано, с одной стороны, возможностью творческого применения к изучению фольклора достижений наиболее «продвинутого» в то время формального направления в отечественном литературоведении, а с другой, — вполне объяснимым в условиях моноидеологии «уходом» от этнической и социологической проблематики¹. Позитивные и негативные последствия закономерного сужения предметного поля фольклора в рамках этой концепции признаны и осмыслены в современной науке. Исчерпывающе написал о них Б.Н. Путилов².

На кафедре русского устного народного творчества филологического факультета МГУ во второй половине XX в. окончательно оформилось и возобладало изучение фольклора как искусства слова. Эта научная концепция прочно связана с именем Н.И. Кравцова, сплотившего своих учеников и коллег для осмысления художественной стороны произведений устной словесности, что позволило создать школу исследователей поэтики фольклора, обладающих прочными текстологическими навыками, способными продуктивно работать с вариантами фольклорных текстов, владеющих инструментарием для анализа фольклорной

¹ Соколовы Б.М. и Ю.М. Поэзия деревни: Руководство для собирания произведений устной словесности. М., 1926. С. 17.

² Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 9–11.

¹ Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. М., 1982.

стилистики в широком смысле слова. Названный подход предполагал определенный *ракурс* изучения фольклора, повлекший намеренное ограничение в материале: отбор наиболее «эстетизированных» классических форм, жанров, а в их составе — совершенных с художественной точки зрения вариантов, абсолютизацию его эстетической составляющей в ущерб иным функциям, включение устной словесности в литературную парадигму и, как следствие, избирательность в методах. В пределах филологической науки иной аспект изучения фольклора предлагают лингвофольклористы, обнаруживая в нем особый функциональный слой языка, и этнолингвисты, усматривающие в нем языковую манифестацию традиционной культуры этноса. Этнологи традиционно видят в фольклоре источник сведений о духовной и материальной жизни народа. Этномузыкологи и этнохореологи изучают свою — музыкальную и хореографическую — составляющую.

В то же время филологическая фольклористика в своем самоопределении стремится к наиболее полному и адекватному отражению сущности изучаемого. На этом пути многие отечественные ученые осознали явную двойственность в видении предмета своих изысканий: теоретически сконструированного и наблюдаемого. С одной стороны, это круг фольклорных памятников, «извлеченных» из контекста их бытования, исследуемых относительно изолированно от культурного и этнографического окружения, а с другой — живая фольклорная традиция. И если методологическая база для первой составляющей отчасти была «экспортирована» из смежных филологических дисциплин, отчасти создавалась непосредственно в рамках изучения фольклора как устной словесности, то для второй такая имела преимущественно в сфере ее фиксации, но не осмысления. Полевые данные и многочисленные их публикации убеждают в необходимости исследования фольклора как целостного феномена, представляющего собой источник, отличный от языка и от литературы и требующий соответственной методологии. Теоретические выводы о комплексной природе фольклорного текста (Н.И. Толстой, В.М. Гацак, Г.И. Лобкова и др.), его специфической «инклюзивности» и прагматике (К.В. Чистов, Б.Н. Путилов, С.Б. Адоньева), особых свойствах этнопоэтики фольклора (В.М. Гацак), разнообразии современных фольклорных форм (С.Ю. Неклюдов, К.А. Богданов и др.) принципиально меняют контуры современной

науки, которая видит предмет своих исследований не только более широко, но и многомерно. Как и в других областях гуманитарного знания, в нашей науке произошел сдвиг от имманентного изучения формы к исследованию функционирования, контекстных связей и процессов складывания форм, что, в свою очередь, по-новому объясняет закономерности их внутренней структуры. Вот почему внимание исследователей переключилось от локальных задач анализа поэтики фольклорного текста к проблемам изучения фольклорной традиции, учитывающего как ее генезис и историю, так и коммуникативный статус, прагматику и функциональную структуру.

Прозвучавшее в работах К.В. Чистова, Б.Н. Путилова, Н.И. Толстого, Т. Живкова, Е.Б. Артеменко и других исследователей понимание сущности фольклора как «интегратора, мощного системообразующего фактора традиционной культуры»³, в которой «концентрируется существенная часть опыта, накопленного традицией, и материализуется в известных пределах сама традиция»⁴, приводит нас к выводу о том, что предметное поле фольклористики может быть определено субстантивно через понятие *фольклора*, а континуально через понятие *фольклорной традиции*.

Фольклорная традиция представляет собой особую систему, естественным образом возникшую и актуальную, предназначенную для передачи культурного опыта поколений в изначально синкретичных⁵ формах. Эта система, находясь в пределах традиционной культуры, избирательно использует средства национального языка. Фольклорная традиция — естественный коммуникационный канал, в котором значимая для этноса социальная и духовная информация аккумулируется, преобразуется в устойчивые и общепонятные, типовые по

³ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С. 8–9.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Термин *синкретичный* в данном случае считаю уместным употребить как в значении «формальный» (ср. у А.Н. Веселовского: «Я разумею под ним сочетание ритмованных оркестрических движений с песней-музыкой и элементами слова» (Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 155)), так и в значении «синкретический комплекс», предполагающем «нерасчлененное единство зачатков религии, искусства, положительных знаний» (Мелетинский Е.М. «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной литературы // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 30–31).

структуре, образные и символически насыщенные вербальные формы, обладает набором специфических механизмов для сохранения и передачи этой информации. Основные единицы традиции — это тексты разного объема (свернутые до размеров слова и более развернутые). Именно их подразумевают прежде всего, используя в узком значении термин *фольклор*. Значительная часть передаваемых по названному каналу традиционных текстов⁶ в ходе эволюции обрела совершенство формы и обладает мощным эстетическим и эмоционально-психологическим воздействием, что и позволяет оценивать их в категориях эстетики (как жанры устной словесности), однако их функциональность значительно шире⁷. Иные разновидности фольклора (поверья, приметы, мемораты, тексты речевых ситуаций и т.п.) не наделены в полной мере перечисленными свойствами, но это не лишает их всей полноты значений, присущих традиции. Тем же путем передаются образные, стилевые и содержательные константы, стереотипы, формулы, а также правила, по которым создаются, воспроизводятся, сочетаются, видоизменяются тексты и типовые реакции их восприятия. Традиция существует в наборе локальных вариантов, образующих в совокупности общенациональный фонд. Она не изолирована от других форм традиционной культуры, служа для передачи, преобразования и осмысления того опыта, который этнос на-

⁶ В понимании «текста» фольклора я склоняюсь к комплексному видению его как «текста культуры» (см. об этом: *Лотман Ю.М.* Текст и функция // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 24–37; *Толстой Н.И.* Вторичная функция обрядового символа // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 167; *Мехнецов А.М.* Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры // Музыка устной традиции: Мат. междунар. науч. конф. памяти А.В. Рудневой. М., 1999. С. 178–190; *Лобкова Г.В.* Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000. С. 11–12).

⁷ Для адекватного исследования фольклорной эстетики продуктивнее не сближение фольклора с искусством, а их размежевание. Присоединюсь к мнению Б.Н. Путилова: «Фольклор нигде и никогда не живет как искусство в собственном смысле слова, т.е. как феномен, имеющий цель в самом себе, предназначенный для решения преимущественно художественных задач. Его эстетическая сущность так или иначе обнаруживает себя в рамках специфических внеэстетических задач, более того, она определяется ими» (*Путилов Б.Н.* Указ. соч. С. 11).

капливает в ритуально-обрядовой, производственной и социальной практиках.

— *Татьяна Борисовна, подводя итог сказанному, какое определение фольклора Вы можете предложить?*

В качестве рабочего определения я предлагаю следующую формулировку (конечно, не претендующую на полноту): *фольклор — это (1) неотъемлемая составляющая традиционной культуры этноса, (2) его постоянно возобновляемое и пополняемое духовное наследие, закрепленное и передаваемое по традиции преимущественно устно, (3) в том числе его поэтическое творчество.*

В соответствии с этим определением филологическая фольклористика изучает

— этические, мифологические, религиозные, исторические, естественнонаучные, эстетические и иные представления, закрепленные в совокупности фольклорных текстов, «живущих» (или когда-либо «живших») в обрядах, быту, памяти народа;

— функции, структуру, типологию, генезис вербальных фольклорных текстов;

— особенности их передачи, сохранения и трансформации;

— их место и роль в становлении других форм культуры;

— а также фольклорную традицию во всем многообразии ее локальных и исторических проявлений как естественную функциональную систему и информационную среду существования фольклора.

Филологическая фольклористика (собственно фольклористика) имеет дело преимущественно с вербальными текстами фольклора (в отличие от музыкальной фольклористики, этнохореографии или этноискусствознания). В комплексных исследованиях фольклора методы и выводы этих дисциплин поддерживают друг друга и взаимодействуют. В сфере филологических наук у фольклористики наибольшая близость в предметной области обнаруживается с этнолингвистикой, однако единства задач и методологического единообразия в подходах у этих дисциплин нет.

Вкратце о методах. Немаловажную роль в уяснении особенностей предметной области фольклористики сыграло усовершенствование полевых методик и широкое распространение технических средств, позволяющих фиксировать ранее трудноуловимые элементы фольклорных явлений. Они привнесли возможности объемного и более детального видения многообразных слоев фольклора, что позволило изучать сами фольклорные тексты комплексно и в контексте той культуры, в которой они скла-

дываются и живут. Изучение фольклорной традиции требует привлечения методов, сложившихся как в современной филологической науке, так и за ее пределами. Полагаю, что, как и прежде, фольклористика, продолжая формировать свою методологическую сферу, сможет привести немало нового в общепилологическую теорию.

М.П. ЧЕРЕДНИКОВА:

Фольклор в узком смысле слова — устный словесный компонент традиционной культуры, в широком — вся ее духовная сфера. Данное определение, с одной стороны, позволяет учитывать многообразие фольклорных традиций в любом социуме, с другой — исключает предвзятую оценку той или иной традиции.

Поиски отечественной фольклористики к концу XX в. естественным образом привели к пересмотру привычных научных парадигм. Во-первых, это переключение внимания с «живой старинь», т.е. «классического» (крестьянского) фольклора, на современные формы городской традиции. Некоторые из них, как показали, например, исследования Т.Б. Щепанской, посвященные фольклору в молодежной субкультуре 1980-х гг.¹, к «старине» не имеют отношения. Другие сформировались в условиях XX в. и на протяжении десятилетий советской власти оставались явлением потаенной духовной культуры тех или иных сообществ. Таким образом, эта *живая фольклорная традиция*, если даже спорадически и фиксировалась собирателями, глубокого научного осмысления получить не могла.

Заметное внимание фольклористов к подобным явлениям стало предметом обсуждения на страницах нового журнала «Антропологический форум», вышедшего в Санкт-Петербурге (2004, №1). Изменение «исследовательских ориентаций» участниками дискуссии объясняется в основном двумя факторами: первый — освобождение от идеологической цензуры советской эпохи (то состояние науки, которое Б.Н. Путилов образно определил в названии своей статьи «Русская фольклористика у врат свободы»²); второй — изменение соотношения между сельской и городской культурой в

¹ Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 27–33; Щепанская Т.Б. Молодежные сообщества // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 34–85.

² Путилов Б.Н. Русская фольклористика у врат свободы // Живая старина. 1994. № 1. С. 4–6.

условиях постиндустриального общества. Тем не менее участники дискуссии справедливо отмечают тот факт, что изучение традиционной крестьянской культуры отнюдь не исчерпано. И здесь есть своя «периферия», научное осмысление которой еще только начинается³.

Обращение к новым аспектам исследований предполагает появление новых методик наблюдения. У современных фольклористов (как и у этнографов) давно возникло понимание уязвимости традиционных методик фиксации материала. Интервьюирование как способ общения собирателя с информантом явно изживает себя. При таком общении разговор обращен, как правило, к прошлому. В памяти, как известно, события прошлого (даже сравнительно недавнего) подвергаются неизбежной трансформации. С этим связаны типичные оговорки информанта: «*Вот ведь не помню, когда это было*»; «*Всё уж забыла*»; «*Дальше не помню*».

Участники полевых исследований хорошо понимают необходимость выйти за рамки традиционных методик записи. Эта задача также предполагает изменение «исследовательской ориентации» не только при изучении городских субкультур, но и культуры современного села. Акцент при этом ставится не на воссоздании прошлого, а на фиксации современного состояния традиции. Важно и в этом случае не допускать априорных оценок, таких как «разрушение традиции», «порча» и т.п. Этот подход требует от исследователя новых принципов наблюдения. Опыт моей многолетней полевой работы показывает, что записей, которые меня удовлетворяют сегодня, не так уж много. Все они были сделаны тогда, когда не было нужды задавать вопросы: во время шествия ряженных на проводах Масленицы; во время свадебного обряда, когда родственники невесты ожидали приезда молодых и новой родни из соседнего села. Вынужденная пауза была заполнена эротическими сказками и анекдотами. Рассказы сопровождалась комментариями, поддевками, которые никогда бы не удалось услышать при традиционном полевом опросе. Если бы я попыталась попросить рассказчиков еще раз повторить те же тексты за пределами обрядовой ситуации, они ответили бы категорическим отказом и были бы правы. Таким образом, чтобы записать то, что есть на са-

³ Показательный пример такого рода — исследования С.Б. Адоньевой, посвященные проблеме прагматики фольклора (*Адоньева С.Б. Прагматика фольклора*. СПб., 2004).

мом деле, а не то, что могло бы быть, фольклористу (точнее фольклористам) нужно оказаться «в нужном месте в нужное время»: среди участников ритуала или праздника, рядом с людьми, занятыми общей коллективной работой, и т.п. Современные технические средства фиксации происходящего позволяют вести одновременное наблюдение в разных точках пространства, на котором разворачивается ритуал. Опыт показывает, что при исполнении ритуала участники, как правило, не обращают внимания на наблюдателей. То же можно сказать и о ритуальном поведении одного человека: когда женщина красит пасхальные яйца или ставит тесто для кулича, она разговаривает с собой, вслух проговаривая очередность манипуляций, мотивируя то или иное действие традиционным знанием. После такого наблюдения, не допускающего вмешательства в происходящее, возможно применение традиционных методик, но только в качестве вспомогательных, а не основных принципов записи. Полевые исследования такого рода не могут быть одномоментными. Они требуют кропотливой работы, которая не принесет мгновенных результатов, но со временем позволит представить характер тех процессов, которые происходят в живой сельской традиции в условиях социально-исторических перемен на рубеже XX – XXI вв.

Это, конечно, другое состояние традиции по сравнению с тем, что нам известно по записям XIX и даже XX в. Никакие априорные определения не дают возможности понять, что же происходит сегодня. Что в традиционной культуре по-прежнему остается актуальным для современных сельских жителей? Почему одни формы традиции востребованы, а другие забыты? Какие трансформации неизбежны в новых условиях жизни (при изменении возрастного ценза, соотношения коренного и приезжего населения в условиях неслыханной ранее миграции и т.п.)? Как знать, быть может, время дает нам шанс проследить и попытаться понять механизмы перехода крестьянской традиции в какое-то иное качество.

В.В. БЛАЖЕС:

Благодарю редакцию «Традиционной культуры» за приглашение высказаться на тему «Что такое фольклор?». Предложу несколько тезисов.

В XIX в. были введены термины *народная поэзия*, *устная словесность* и другие для обозначения, в первую очередь, устного

творчества крестьян. Мне это всегда казалось недостаточным и порождало вопросы типа: а как назвать устную поэзию купечества, чиновников, дворян, вообще тех, кто занимает высшие ступеньки социальной иерархической лестницы? Они, конечно, не народ (если под ним понимать, грубо говоря, людей физического труда), но они являются полноправными членами этноса. Для себя я давно решил, что нужно говорить не о фольклоре каких-то социальных прослоек, а о фольклоре этноса, этнической общности, т.е. о фольклоре исторически сложившейся группы людей, представленной как нация, русская нация, русский народ, тем более что в этнографическом плане *народ* и *этнос*, *этническая общность* близки по смыслу. Фольклор русского этноса всегда бытовал и сейчас бытует во всех слоях общества, будь то крестьяне, фабричные рабочие, так называемые деклассированные элементы, офицеры, «золотая молодежь», аристократы...

Схематизируя и по необходимости повторяя общеизвестные факты, все-таки скажу, что фольклор изначально органически связан с языком этноса, точнее с речью, речевым общением. Язык не может удовлетворить все духовные потребности этноса, поэтому культурная традиция выработала словесные жанровые формы, обладающие своей «памятью» (термин М.М. Бахтина), способностью вступать в синкретическую связь, приобретать полифункциональность и т.п., а также имеющие механизм запоминания, хранения устной информации.

Фольклор – это обусловленная традицией система вербальных и обрядовых жанровых форм, которые хранят ментальные ценности и предоставляют каждому члену этнической общности возможность приобщиться к национальной духовности и выразить себя по потребности в повседневной практической жизни.

Зафиксированный материал XVIII – XXI вв. свидетельствует, что бытование и развитие фольклора «завязано» на жанры – одни возникают, другие покидают сферу активного бытования на какое-то время, а затем актуализируются, третьи могут оказаться вообще не востребованными, но они не исчезают, а в свернутом виде уходят в национальную культурную традицию. Этот же материал показывает, что в сюжетно-тематическом плане и по бытованию есть произведения четырех типов: межнациональные (так называемые бродячие сюжеты), национальные (бытующие по всей России), региональные (бытующие только в

данном регионе — Кубань, Поволжье, Русский Север, Урал...) и локальные или даже узколокальные (сатирические частушки об управителе или хозяине завода, патронимические предания). Наконец, этот материал дает основание говорить, что фольклор бытует повсеместно, во всех социально-профессиональных группах, но в одних он удовлетворяет многие, если не все, духовные потребности, в других — часть, в третьих — совсем малую часть, поэтому используется или вся жанровая система национального фольклора, или выборочно некоторые жанры.

Любой член этнической общности реализует себя как личность в малой социальной группе, т.е. в группе, где все знают друг друга хотя бы визуально. В ней могут бытовать произведения всех четырех названных выше типов, но главное место занимают, конечно, локальные — именно в них отражается современность, даже ежедневная бытовая реальность. Локальное произведение может остаться в своей среде, но если оно обладает содержательно-художественным потенциалом, то способно стать региональным или национальным. Локальный фольклор — всегда современный, он возникает и исчезает, удовлетворяя духовные потребности членов малых социальных групп, как временных, так и постоянных. Поэтому мне не вполне понятно, почему обычный локальный фольклор туристов, малолетних преступников, спелеологов, парашютистов и т.п. предлагается сегодня считать «постфольклором», не связанным с народной поэтической традицией. Когда начались разговоры о «постфольклоре», я решил всё проверить на конкретном материале: прочитал подряд несколько десятков дембельских блокнотов и увидел органическое продолжение национальной фольклорной традиции в современном солдатском письменном фольклоре¹.

Собиратели современного городского фольклора должны обратить внимание на шутовую тональность разговорной речи. Это сфера, в которой, как и в фольклоре, каждый человек имеет возможность реализовать свою эстетическую потребность, хотя надо признать, что далеко не каждому это дано. И только в том случае, когда установка на творчество в речи и на языковую игру как элемент творчества подкреплена соответствующим потенциалом (ассоциативным мышлением, чувством юмора, знанием традиции и т.п.), — только в этом случае чело-

век может выйти на особый речевой регистр и могут появиться образные сравнения, шуточные цитаты, каламбуры, остроумные вопросы и ответы, иронические реплики, веселые или лукавые окказионализмы, нарочитая божба, самоироничная похвальба, юмористические самоуничижения, шутовское обыгрывание имен, фамилий и другие формы, которые хочется назвать жанрами. Шутовая сфера разговорной речи — это погранично-переходная область между собственно устной речью и устным поэтическим творчеством. Здесь всё подвижно, сиюминутно, связано с бытовой ситуацией, речевым контекстом и может исчезнуть вместе с изменением ситуации или контекста. Но вместе с тем это постоянно существующая область народного юмористического творчества, отмеченная печатью образности, жанровой определенности и связью с национальной культурной традицией.

А.С. КАРГИН:

Сегодня, в начале XXI в., российская фольклористика обладает всем необходимым инструментарием для проведения масштабных теоретических исследований. Об этом со всей убедительностью свидетельствуют материалы, представленные ведущими российскими учеными для обсуждения на конгрессе фольклористов России. Сегодня специалисты, занимающиеся изучением традиционной культуры, могут осмыслить происходящие процессы, провести их мониторинг, предложить системный подход к их анализу и т.д. Но такой задачи перед ними никто не ставил и не ставит. Социального заказа на это нет. Вполне понятно, что сами ученые определяют, что и как им изучать. И сложный вопрос оказания научной помощи тем, кто занимается практической деятельностью в этой же области, оказывается не в числе приоритетных.

При подготовке конгресса мы попытались — обратите внимание — попытались сломать традицию представления материалов «по своим интересам». Доклады целенаправленно заказывались, причем с авторами были оговорены темы, характер подачи материала, ракурс его рассмотрения. Это, на мой взгляд, позволило получить объемную (без пробелов и искажений) картину, демонстрирующую историко-теоретический и методологический потенциал российской фольклористики как науки. Очевидно, что этот потенциал требует серьезного анализа.

Вывод, который сделан мною в результате проработки представленных материала-

¹ См.: *Блажес В.В.* Солдатский юмор // Традиционная культура. 2000. № 1. С. 53–61.

лов, связан с переоценкой роли и возможностей фольклористики и других наук, занимающихся изучением фольклора, — истории, социологии, культурологии, педагогики и т.д. При всей многоплановости и важности проводимых фольклористических исследований их историко-теоретическая и методологическая основа, принципиальные научные установки, сложившаяся система оценок и подходов перестали отвечать требованиям современной практики. Несмотря на выполненные масштабные исследования в области текстологии, поэтики, регионалистики до подлинного прорыва дело не дошло — фольклористика обращена в большей степени в прошлое, чем в будущее; отдает предпочтение частным вопросам, а не теоретическим обобщениям. По моим наблюдениям, более трех четвертей публикуемых сегодня работ — это сборники текстов. Не случайно любая теоретическая работа становится событием!

Нельзя не сказать и о том, что «нефольклорные» науки, которые всё активнее обращаются к изучению фольклора, нередко игнорируют принципиальные положения классической фольклористики, не владеют ими или трактуют их весьма своеобразно. В результате фольклор предстает не как многомерное, сложное по структуре и функциям целостное образование, а скорее как набор дополняющих друг друга, слабо ассоциированных и взаимосвязанных образцов, текстов, художественных фактов, явлений. Получается, что фольклористик столько же, сколько и наук, изучающих фольклор. О пестроте их теоретико-методологических подходов, думаю, говорить излишне.

Тут важно акцентировать внимание на самом главном: понимании того, что такое фольклор. На мой взгляд, в последние годы в этой области царит полный хаос. Отказавшись от формулы фольклора как *устно-поэтического творчества (искусство слова, народная словесность, устная словесность* и т.п.), а затем, вроде бы, согласившись с определением фольклора как *сложного синкретического комплекса словесно-музыкально-драматического искусства устной традиции*, в 1970-е гг. многие исследователи сделали крен в сторону снятия всех границ в предмете и объекте науки. Фольклористика стала эпигоном этнологии и изучает многое из того, до чего у последней не дошли руки (причем вопрос о взаимоотношениях с этой наукой, как, впрочем, и со многими другими, всерьез не обсуждается). Сложился молчаливый паритет: не обострять вопрос о предмете науки, как бы оставив его суду истории и потомков.

Возможно, это покажется парадоксальным, но такая ситуация оказалась на руку фольклористике, поскольку способствовала ее превращению в комплексную, междисциплинарную науку. В этом направлении пока сделаны скромные шаги, но они обещают стать весьма перспективными. С учетом этих смысловых «приращений» следует формулировать и вопрос об объекте фольклористики как науки.

Фольклористика в узком смысле (в российском варианте) — наука о художественных (эстетических) явлениях бытового, устно-поэтического, песенного, музыкального, драматического искусства устной традиции, народного изобразительного искусства, а также художественной (эстетической) составляющей, присущей разнообразным явлениям бытовой народной культуры: орудиям труда, быта, костюму, хозяйственным и жилым постройкам и т.п. При таком понимании фольклористика предстает, с одной стороны, как единая систематизированная отрасль научного знания, а с другой — как набор различных отраслей этноискусствоведения (этномузыковедения, этнофилологии, этнотеатроведения и т.д.).

Фольклористика в широком смысле (в международной интерпретации, которая активно прививается сегодня и на русской почве) — наука о традиционной, духовной и материальной, культуре в целом. Фактически она может именоваться *этнокультурологией*. В данном варианте фольклористика (как этнокультурология) по горизонтали и вертикали взаимодействует с несколькими десятками частных или отраслевых фольклористик (среди которых этнолингвистика и этнофилология, этнология и социология, этнопсихология и этнопедагогика, история и краеведение, др.), объединяет их, соподчиняет в решении теоретических вопросов.

Подобное понимание структуры фольклористического знания имеет свои сильные стороны, прежде всего, благодаря углубленному дифференцированию различных компонентов фольклорного текста, который, существуя в сложном по структуре контексте, требует единых методологических и теоретических подходов. Однако фольклористика в узком понимании, даже включенная в этот комплекс дисциплин, изучающих этнокультуру, остается вполне самостоятельной, оригинальной конкурентной наукой. И за ней мне видится большое будущее.

Продолжение следует.